

включенных в третий том, письмам, опубликованным Р. Ленертцем. Последовательность расположения писем в труде Фр. Тиннефельда определяется их датой (зачастую уточненную по сравнению с предшествующим изданием).

Письма Кидониса в третьем томе разделены на шесть групп, три из них составляют датированные письма и три – не датированные.

Первая группа из 30 писем охватывает время 1382 – поздняя осень 1383 г. (по LC II 491, N XIII по изданию Р. Ленертца – без письма N 265). Вторая группа представляет четыре не датированных письма приблизительно 1382–1383 гг. (из LC II, N XXIV и XXV). Третья группа из 28 датированных писем 1383–1384 гг. (по листу LC II 492, N XIV с добавлением письма N 344 по изданию Р. Ленертца). Четвертая группа включает 9 не датированных писем приблизительно за 1382–1383 гг. (по листу LC II, N XXVI–XXVII). К пятой группе издателем и переводчиком отнесены 33 датированных письма за март 1385 – весну 1387 г. (по листу LC II 493, N XV). И, наконец, шестая группа содержит 8 не датированных писем приблизительно за 1383–1388 гг. (по листу LC II, N XXVIII, XXIX и XXXI). Таким образом, большая часть писем (92) имеет более или менее точную дату.

В третьем томе немецкого перевода писем Дмитрия Кидониса в издании Ф. Тиннефельда в качестве приложения присутствуют различного рода индексы. Помимо списка сокращений изданий источников, научной литературы, а также серий, собраний, сборников и собственно сокращений, исправлений и добавлений к предыдущим томам в книге имеется исторический регистр, содержащий имена (личные и географические) и понятия.

Регистр писем содержит разделы: перечень адресатов, упомянутых в письмах, а также отправителей упомянутых писем или названных писем других персон (или, наоборот, писем к другим персонам). Литературный регистр включает в себя перечень эпистографических, риторических приемов, в том числе и наблюдения в отношении стиля писем Дмитрия Кидониса, список сравнений, метафор, античных имен и понятий, сравнений с другими текстами.

Третий том издания Ф. Тиннефельда (по сравнению с предшествующими томами) выполнен в компьютерном наборе, что значительно расширило возможности работы с текстом и его корректировки.

Продолжение публикации переводов на немецкий язык писем Дмитрия Кидониса стало еще одним шагом в сторону возможно более адекватного осознания сложной эпохи 80-х годов XIV в. в истории Византийской империи. Особая, присущая Ф. Тиннефельду переводческая манера, когда стремление к максимальной точности перевода сочетается с желанием более глубокого познания неординарной личности автора писем, делает издание значительным явлением в области византистики.

Итак, из эпистолярного наследия Дмитрия Кидониса, составляющего почти 450 эпистул, Ф. Тиннефельдом переведено и издано 341 письмо. Осталось ожидать финала исследовательского марафона – издания последних ста с небольшим писем, причем, тех писем, которые менее всего введены в научный оборот. Думается, что последний из томов достойно украсит этот научный сериал, а пример многолетних плодотворных усилий Фр. Тиннефельда окажется заразительным: богатое эпистолярное наследие эпохи Палеологов ждет своего адекватного прочтения и осмысления.

М.А. Поляковская

K r e s t e n O. «Staatsempfänge» im Kaiserpalast von Konstantinopel um die Mitte des 10. Jahrhunderts: Beobachtungen zu Kapitel II 15 des sogenannten «Zeremonienbuches». Wien, 2000. 61 S.

Брошюра известного австрийского византиста – еще один повод не без некоторого удивления констатировать, что интерес к обстоятельствам, связанным с известной поездкой киевской княгини Ольги (ум. в 969 г.) в Константинополь, равно как и к источникам, в которых отразилось это событие (в первую очередь к описанию приемов Ольги императором Константином VII в трактате последнего «De cerimoniis aulae byzantinae»),

в науке не спадает. Скоротечность юбилейной моды на проблематику крещения Руси пока щадит одну из вечных тем в истории древнерусского христианства и русско-византийских отношений. Думается, главная причина тому – разнообразие и сложность, а во многом – противоречивость, текстов (греческих, латинских, древнерусских), которые приходится обсуждать историкам, так что предварительным итогом дискуссии можно считать отчетливую постановку целого ряда крайне непростых источниковедческих вопросов: о происхождении и аутентичности распространенной древнерусской датировки путешествия Ольги в Царьград и ее крещения (6463 = 955 г.) и шире – о текстологических взаимоотношениях внутри комплекса летописных и житийных источников об Ольге, о степени достоверности во всех его деталях рассказа «Продолжателя хроники Регинона Прюмского», о сложносоставности или, наоборот, монолитности *De cerim.* II, 15 и о текстологической оценке этой главы в целом и в отдельных составляющих ее частях и др. К числу источниковедческих по своей сути вопросов надо отнести и вопрос о времени приемов княгини Ольги в императорском дворце по данным «*De cerimoniis*», которые допускают датировку как 946, так и 957 г.; полемика на эту тему, ведшаяся еще в XVIII в., после долгой паузы возобновилась в последние годы, после того как Г.Г. Литаврин поставил под сомнение устоявшуюся было *opinio communis*, пересмотрев ее в пользу 946 г.¹

На фоне этой источниковедчески и историографически весьма непростой ситуации работа О. Крестена производит двойственное впечатление.

С одной стороны, автор рассматривает ее как часть более общего исследования на несколько экзотическую тему «Известия о византийской императорской дипломатике (*Urkundenwesen*) в арабских источниках от VII в. до 1025 г.». Если так, то логическим центром его микромонографии следует считать анализ описания приемов в императорском дворце арабских послов, которое занимает большую долю *De cerim.* II, 15 и которому, действительно, посвящено немало исследовательских усилий автора. Очевидно, именно поэтому он с самого начала считает нужным подчеркнуть, что вопрос о датировке приема княгини Ольги интересует его лишь *en marge*.

С другой стороны, нельзя не заметить, что фактически сюжету о приемах арабов уделена лишь треть общего объема исследования, тогда как в другой его трети автор, вопреки своему первоначальному заявлению, пытается вникнуть именно в проблему датировки приемов Ольги, описанных в главе II, 15 обрядника Константина Багрянородного. Это и понятно – ведь историк убежден, что его работа (и в первую очередь именно результаты рассмотрения им «арабской» части 15-й главы книги II) устраняет последние сомнения на данный счет и служит окончательным обоснованием датировки 946 г. Заключительную треть брошюры О. Крестена занимают текстологические заметки и лексикографические наблюдения над *De cerim.* II, 15, безусловно ценные сами по себе (тем более, что они основаны на новой колляции текста Боннского издания с *cod. Lipsiensis*) и полезные ввиду готовящегося под руководством Ж. Дагрона нового коммен-

¹ См. прежде всего: *Литаврин Г.Г.* О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь // История СССР. 1981. № 5. С. 173–183; *Он же.* К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // ДГ. 1985 год. М., 1986. С. 49–57; *Он же.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 174–190; с аргументами в защиту традиционной даты (957 г.) выступил автор этих строк: *Назаренко А.В.* Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь? // ВВ. 1989. Т. 50. С. 66–83; *Он же.* Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь: Источниковедческие заметки // ДГ. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 154–168; *Он же.* «Мудреиши всех человек»: Крещение княгини Ольги как факт международной политики // *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001; см. также: *Tinnefeld F.* Die russische Fürstin Olga bei Konstantin VII. und das Problem der «purpurborenen Kinder» // *Russia Mediaevalis*. 1987. Т. V. 1. S. 30–37 (в поддержку Г.Г. Литаврина); *Obolensky D.* Ol'ga's Conversion: The Evidence Reconsidered // HUS. (1988/1989), 1990. Vol. 12/13. (Proceedings of the Intern. Congr. Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine). P. 145–158 (автор принимает датировку Г.Г. Литаврина); *Featherstone J.* Ol'ga's Visit to Constantinople // HUS. 1990. Vol. 14 (Adelphotes: A Tribute to Omeljan Pritsak by His Students). P. 293–312 (неудачная попытка защитить 957 г.); *Poppe A.* Once Again Concerning the Baptism of Olga, Archontissa of Rus' // DOP. 1992. N 46 (HOMO BYZANTINUS: Papers in Honor of Alexander Kazhdan). P. 271–277 (в пользу 957 г.).

тированного издания «De serimoniis», которое призвано заменить как Боннское, так и незаконченный труд А. Фогта; однако к двум предыдущим сюжетам они имеют лишь весьма и весьма косвенное отношение. Учитывая перечисленные обстоятельства, работу О. Крестена, несмотря на оговорки автора, de facto можно смело рассматривать в ряду других, направленных именно на прояснение времени и обстоятельств пребывания киевской княгини в столице Византийской империи. При таком взгляде оценка рецензируемого сочинения оказывается, увы, не вполне благоприятной для его автора.

Тон работы подчеркнуто амбициозен, местами даже нравоучителен, что несколько необычно для научного исследования. Досаднее всего, что в избытке рассеянные по страницам обороты вроде «совершенно определено», «окончательно», «вне всякого сомнения», «просто и ясно», «абсолютно однозначно» и т.п. – не просто черта чрезмерно категоричного авторского стиля, а отражение искренней убежденности в том, что проблема датировки пребывания Ольги в Константинополе наконец-то закрыта – проблема, которой, по мнению автора, в сущности никогда и не было, иллюзорное существование которой объясняется всего лишь недостаточным вниманием предыдущих исследователей к тексту *De serim.* II, 15. В этой связи О. Крестен считает «показательным», что при ее обсуждении «никогда не учитывалась история текста» Константинова обрядника (с. 5. примеч. 10). Пусть такой упрек до некоторой степени и оправдан, но ведь нельзя не заметить, что и от О. Крестена в том числе зависело бы внести возможную ясность в этот вопрос – ведь именно от него ожидается, например, публикация фрагментов «*De serimoniis*», обнаруженных в *cod. Athous Vatop.* 1003. Однако он ограничивается беглым замечанием, что та параллельная к *cod. Lipsiensis* рукопись, фрагменты которой в качестве *textus inferior* обнаружены в упомянутом Ватопедском кодексе и другом палимпсесте – *cod. Chalc. S. Trinitatis*, мало что дают в текстологическом аспекте (с. 44, примеч. 117; с. 46, примеч. 122); значительно важнее, согласно автору, отвергнуть устоявшуюся в науке, но неверную, по его мнению, датировку Лейпцигской рукописи концом XII – началом XIII в. в пользу значительно более ранней – «бесспорно» периодом правления Никифора II Фоки (963–969); к тому же времени О. Крестен относит и палимпсесты, считая ошибочной их датировку XI в. С. Мэнго и И. Шевченко. Такая поправка была бы, конечно, очень важной, если бы была подкреплена соответствующей аргументацией. Между тем автор ее не приводит, а только обещает изложить при случае «в другом месте» (с. 6). Исследователь, естественно, волен излагать результаты своих изысканий, где и когда ему угодно, но в таком случае разве не следовало бы до тех пор воздержаться от упреков своим коллегам, которые не учитывают того, что сам автор пока затрудняется хоть как-то обосновать?²

Но даже если О. Крестен прав, разве его передатировка рукописи (рукописей) предопределяет выбор между 946 и 957 г.? Почему же протокольный источник, относящийся к 957 г. при таких условиях был бы в «*De serimoniis*» «в высшей степени необычной деталью» (с. 5)? Потому, отвечает историк, что в «основном тексте» обрядника, т.е. помимо добавлений, сделанных в 960-е годы по инициативе паракимомена Василия Лакапина (тезис о решающей роли Василия в оформлении текста – еще одна постулируемая автором идея, обоснование которой «во всех деталях будет дано в другом месте»: с. 13, примеч. 38; с. 38, примеч. 102), «нет ни одного фрагмента, который можно было бы хотя бы с минимальной вероятностью отнести к середине 50-х годов X в.» (с. 38). Это, конечно же, по меньшей мере за исключением фрагмента об Ольге – как раз то, что требовалось бы доказать. Но не только. Так, например, отнюдь нет полной уверенности в том, что описанный в *De serim.* II, 45 неудачный поход против критских арабов под руководством патрикия Константина Гонгилы относится именно к VII индикту (949 г.), поскольку такая распространенная в науке точка зрения слишком явно противоречит тому, как поражение греков представлено у Льва Диакона и Иоанна Скилицы (*Leo Diac.* I, 2, p. 6.13–14; *Scyl.*, ed. I. Thurn, p. 245.35–246.52); изложение обоих историков дает право

² В поддержку своего мнения О. Крестен ссылается только на аналогичную датировку, высказанную якобы, хотя и вскользь, в свое время Ж. Иригуэном (*Irigoin J. Pour une étude des centres de copie byzantins, II: Quelques groupes des manuscrits // Scriptorium.* Т. 13. 1959. P. 178–179); однако в указанной работе нам не удалось обнаружить ничего похожего.

относить экспедицию Гонгилы скорее к последним годам правления Константина VII, и у такого взгляда были и остаются сторонники³. Сказанное заставляет, заметим, поставить принципиально важный вопрос о происхождении и аутентичности заголовков в существующих списках «De serimoniis» – ведь указания как на IV индикт (946/7 г.) в главе о приемах арабов и Ольги, так и на VII индикт (949/50 г.) в главе о критском походе имеются *только в заголовках*, в самом тексте их нет. О. Крестен эту тему не затрагивает, а напрасно, поскольку она уже обсуждалась в историографии (см. наши работы, приведенные в примеч. 1); это, кстати говоря, показывает также, что автор, во-первых, не вполне прав, упрекая своих предшественников в невнимании к истории формирования текста Константинова трактата о церемониях, а во-вторых, сам подходит к названной проблеме избирательно.

Недостаточное знакомство автора с литературой предмета, в том числе и последней, ведет к недооценке, если не сказать – непониманию, всей источниковедческой сложности обсуждаемой им проблемы. Так, известная *sic ut interpretum* – упоминание в главе II, 15 Константина Багрянородного, его сына Романа II «и порфирородных их (курсив наш. – А.Н.) детей», породившее столь обильную историографию (ведь оно исключает датировку 946 г., когда у семилетнего Романа, естественно, не могло быть детей), О. Крестен преодолевается предельно просто. По его мнению, составитель *De serim.* II, 15 выразился так, «молчаливо подразумевая (!) присутствие императрицы Елены Лакапины» (жены Константина VII), чтобы «без особых околичностей упомянуть о порфирородных сестрах Романа II» (с. 11; см. также: с. 6 и примеч. 13; с. 10, примеч. 28); таким образом, «порфирородные их дети» – это дети Константина и Елены. Эта идея принадлежит Ф. Тиннефельду, и О. Крестен в своей радикальной манере считает ее «убедительным и окончательным решением» вопроса, не учитывая (или не зная), правда, что сам Ф. Тиннефельд позднее предпочел от нее отказаться⁴. Мы не спрашиваем, как австрийский историк догадался о присутствии «подразумеваемой» императрицы, если это «подразумевание», по его собственному признанию, «молчаливо» – нельзя же в качестве аргумента выдвигать паранормальное умение читать между строк. С удивлением отмечая, что в науке до сих пор находятся люди, способные всерьез воспринимать пассаж о детях Константина VII и Романа II, О. Крестен ограничивается в их адрес иронически «скромным замечанием на полях»: а где же была в таком случае Елена Лакапина (с. 10, примеч. 26)? Но разве ирония – доказательство? И разве вопрос, а действительно ли императрица присутствовала или обязана была присутствовать на всех шести мероприятиях, связанных с приемами княгини Ольги, а priori не заслуживает рассмотрения? А ведь попытки сделать это предпринимались, причем с результатом, который не удовлетворил бы О. Крестена⁵, но этот факт укрылся от внимания историка вследствие ограниченного знакомства с историографией, которую он, тем не менее, несколько опровергательно намерен завершить своей работой.

Автор безусловно справедливо убежден в том, что правильное понимание и хронологическое приурочение приемов арабов-тарситов, описанных в *De serim.* II, 15, важны для оценки сюжета об Ольге. И все же и в этой части своей работы, на наш взгляд, существенно более удачной, чем та, что посвящена рассказу о приемах киевской княгини, О. Крестен не сумел избежать досадных упрощений *pro domo sua*. Конечно, очень соблазнительно отождествить переговоры с арабами в гл. II, 15 обрядника Константина Багрянородного с теми, которые предшествовали обмену пленными 946 г. и описаны их современником ал-Масуди. Однако здесь снова во всей ее серьезности возникает проблема аутентичности заголовков, так как указание на то, что переговоры с тарситами ве-

³ См., например: *Murali E. Essai de chronographie byzantine pour servir à l'examen des annales du Bas-Empire et particulièrement des chronographes slavons de 395 à 1054.* SPb., 1855. P. 528; *Schlumberger G. Un empereur byzantin au Xe siècle: Nicéphore Phocas.* P., 1890. P. 38–44; *Лев Диакон. История / Пер. М.М. Копыленко, ст. М.Я. Сюзюмова, коммент. М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова, отв. ред. Г.Г. Литаврин.* М., 1988. С. 168. Примеч. 24.

⁴ *Tinnefeld F. Ceremonies for Foreign Ambassadors at the Court of Byzantium and Their Political Background // BF.* 1993. Bd. 19. P. 196.

⁵ *Назиренко А.В. Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь... С. 160–161.*

лись о мире и обмене пленными, есть только в заголовке. Понятно, что идея о позднейшем происхождении заголовков (по крайней мере некоторых из них), не может быть близка О. Крестену ввиду постулируемой им датировки *cod. Lipsiensis* серединой X в., но это не значит, что на нее можно просто закрыть глаза. Мы, разумеется, не будем повторять здесь всех своих аргументов в обоснование того, что заголовок к гл. II, 15 в его настоящем виде не синхронен самому тексту; заметим только, что, как отмечает сам О. Крестен, даже в Лейпцигском списке часть заголовка (Δοχὴ ἐτέρᾳ τοῦ Δελεμικῆ – р. 593.1) помещена не в тексте, а на полях – неужели одно это обстоятельство не должно было хотя бы насторожить исследователя? Далее, описание византийско-арабских переговоров по Константину и по ал-Масуди не просто не совпадают, они прямо противоречат друг другу. Некоторые из таких противоречий (но не все!) видит и О. Крестен, но при попытках примирить их ученому неожиданно изменяет вся его придирчивая строгость. Так, согласно ал-Масуди, арабские послы, прибывшие в Константинополь в 946 г., были послами египетского и сирийского эмира Унуджура ал-Ихшида, тогда как в *De cerim.* II, 15 тарситы названы послами эмира ал-муменин (Ἀδερχμῆ – р. 570.13–14), т.е. багдадского халифа. О. Крестен выходит из положения просто – он предполагает, что ал-Ихшид претендовал на титул эмира ал-муменин («повелителя правоверных»), изначально принадлежавший только багдадским халифам, и что эти претензии «были, видимо (один из крайне редких случаев уклончивости в рецензируемой работе. – А.Н.), признаны Византией» (с. 22, примеч. 73). Как же так? Ведь хорошо известно, что в середине X в. названная титулатура, помимо багдадского владыки, применялась только к кайруванским Фатимидам (с 909 г.) и к кордовским Омеядам (с 929 г.). Именно их прямо именует Константин VII в другом своем сочинении, говоря о «трех эмирах ал-муменин» – «в Багдаде», «в Африке» и «в Испании» (*De adm. imp.*, ed. Gy. Moravcsyk, cap. 25.56–62), о чем, разумеется, О. Крестен знает (с. 15, примеч. 43), но что в данном случае почему-то игнорирует. Между тем, если относить приемы тарситов к 946 г., то, принимая во внимание датировку «*De administrando imperio*» временем ок. 952 г., проблема здесь налицо. Австрийский историк сильно облегчил себе задачу, восстанавливая события путем элементарной контаминации данных Константина и ал-Масуди. По его мнению, незадолго до 31 мая 946 г. ал-Баки из Аданы (глава арабского посольства, по ал-Масуди) и двое его спутников-тарситов прибыли в Константинополь в качестве послов ал-Ихшида, затем ал-Баки вместе с византийским послом монахом Иоанном отправился к ал-Ихшиду, тогда как двое тарситов оставались в Царьграде вплоть до появления там дайлемита эмира Амиды – посла эмира Алеппо Сайф ад-Даулы (с. 29–30). Однако О. Крестен почему-то не обратил внимания на тот лежащий на поверхности факт, что уже во время первого приема тарситов 31 мая их было, как и впоследствии, *только двое* (р. 585.18: τοῖς δυοῖ φίλοις) – для ал-Баки не остается места. Далее, к 9 августа, дню второго приема тарситов, ал-Баки с византийским послом, по контаминированной версии О. Крестена, должны были уже вернуться в Константинополь с деньгами на выкуп пленнных, но арабских послов на клитории опять *только двое* (р. 592.8: οἱ δύο φίλοι Ταρσίται); где же ал-Баки? Не было ал-Баки и на третьем, заключительном, приеме, на котором снова видим, кроме посла Сайф ад-Даулы, *только двух* тарситов (рис. 594.13–14). Если ал-Баки отсутствовал потому, что он был послом именно ал-Ихшида, а теперь, после смерти последнего, дело обмена взял на себя Сайф ад-Даула, то ведь и тарситы были, по О. Крестену, послами ал-Ихшида? Они теперь стали поданными Сайф ад-Даулы (Тарс перешел под его власть вместе с сирийской пограничной областью), но ведь и ал-Баки тоже стал поданным алеппского эмира, ибо тоже был тарситом (он был имамом главной мечети Тарса)? Впрочем, и соседняя с Тарсом Адана, родина ал-Баки, также подчинилась Сайф ад-Дауле. Как видим, до совпадения данных ал-Масуди и «*De cerimoniis*», о котором с такой уверенностью говорит О. Крестен, далеко. И еще только один штрих. Константин постоянно называет тарситов «друзьями сарацинами» (οἱ φίλοι Σαρακηνοί), что, конечно же, было бы совершенно неуместно по отношению к послам Сайф ад-Даулы, который в 946 г. активно воюет с Византией и именно в августе, когда император чествует «друзей сарацинов», наносит им очередное поражение⁶. О. Крестен же

⁶ Васильев А.А. Византия и арабы. Ч. 2. СПб., 1904. С. 266. Прилож. С. 42.

и на этот раз не слишком утруждает себя какой-либо аргументацией, походя, со ссылкой на «Илиаду» (!), выдвигая удивительный тезис, будто эпитет φλοι был для византийской дипломатии трафаретным применительно к *любым* иностранным послам (с. 15, примеч. 43). Не мешало бы в этой связи также задуматься, приличествовала ли послам египетского или алеппского эмиров та совершенно исключительная торжественность, с которой Константин VII принимал «друзей сарацинов»? В их честь император внес в традиционный ритуал торжественного выхода на Преображение характерные изменения: василевсы были облачены в лоры, а в руках несли не скипетры, а кресты и акакии (р. 591.2–4), что было атрибутом только наиболее торжественного пасхального выхода⁷. Но размышлять на подобную тему значило бы допустить трактовку De serim. II, 15 в прямом и буквальном смысле – что тарситы были послами багдадского халифа ал-Мути, а это никак не вписывается в построения О. Крестена и, как следствие, такая возможность даже не допускается автором.

Разумеется, манера историка мимоходом давать окончательные ответы на вопросы, имеющие многовековую противоречивую историографию, производит удручающее впечатление. Так, не ставя перед собой проблему о времени и месте крещения княгини Ольги, О. Крестен, тем не менее, позволяет себе категорический вердикт: визит киевской правительницы в Царьград «не имел ничего общего с принятием христианства» (с. 40–41). Почему же? Да потому, что из текста Константина видно, что Ольга вела переговоры о заключении нового русско-византийского договора. Но разве одно исключает другое? Скорее наоборот. И все же самое неприятное не в этом. Значительно хуже другое: будучи почему-то уверен, что все вопросы могут быть решены путем анализа De serim. II, 15, О. Крестен не считает нужным вникать в другие источники по теме. Достаточно сказать, что автор убежден, будто датировка пребывания Ольги в Константинополе 957 г. возникла из желания «согласовать рассказ “De serimoniais” с данными других источников» (с. 4–5). Между тем «других источников», кроме обрядника Константина Багрянородного, которые называли бы или допускали бы 957 г., попросту нет (если не считать 6466 г. в некоторых родственных древнерусских сводах XV в., прежде всего в Новгородской IV и Новгородской Карамзинской летописях, но эти данные пока еще не вошли в историографию). Насколько автор далек от древнерусских текстов об Ольге, видно уже по тому, что название публикации А.А. Зимина («Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира») он считает названием источника (с. 7, примеч. 15). Все это еще более компрометирует построения известного австрийского византиниста на основе De serim. II, 15, довольно уязвимые, как мы старались показать, и сами по себе.

А.В. Назаренко

Taft R.F. (A History of the Liturgy of St. John Chrysostom. Vol. 5.) The Precommunion Rites. Roma, 2000 (Orientalia Christiana Analecta, 261). 573 p.

Новая работа одного из крупнейших литургистов современности, список печатных трудов которого состоит более чем из 570 позиций¹, – проф. Роберта Тафта – пятая книга серии «История Литургии свт. Иоанна Златоуста» (первой книгой является классический труд проф. Хуана Матеоса по византийской Литургии оглашенных²; второй – диссертация самого проф. Тафта о преанакфориальной части Литургии верных³; третья – об

⁷ *Беляев Д.Ф.* Византизм: Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Ч. 2. СПб., 1893. С. 206. Примеч. 1; С. 207. Примеч. 1.

¹ См.: *Тафт Р.Ф.* Византийский церковный обряд. СПб., 2000. С. 111–155.

² *Mateos J.* Célébration de la Parole dans la Liturgie byzantine. Rome, 1971 (Orientalia Christiana Analecta, 191). В настоящее время в Православном Свято-Тихоновском Богословском институте (Москва) готовится русский перевод этой книги.

³ *Taft R.F.* (A History of the Liturgy of St. John Chrysostom. Vol. 2.) The Great Entrance: A History of the Transfer of Gifts and Other Preanaphoral Rites of the Liturgy of St. John Chrysostom. Rome, 1978² (Orientalia Christiana Analecta, 200).